

гались по железной дороге, на повозках, пешком. Учесть всех было попросту невозможно. Поэтому цифровой материал в сводках заменяли выражения: «наплыв беженцев», «много неорганизованных беженцев» и т. д. Большое количество вынужденных переселенцев следовало через Урал транзитом. Так, в 1922 г. через Челябинский переселенческий пункт в прямом направлении (на восток страны) проследовало 3,7 тыс. человек, в обратном – 29,2 тыс.

Четкое определение хронологических рамок всех трех волн затруднительно. Это связано с тем, что потоки мигрантов двигались через территорию Урала непрерывно, накладываясь друг на друга. Поэтому за основу выбранной периодизации (выделения волн) были взяты не временные периоды, хотя они также немаловажны, а причины, побудившие людей сменить место жительства. Военные действия в ходе Первой мировой войны вызвали первую волну. Гражданская война вызвала вторую волну. Голодные 1921–1922 гг. – третью волну. Более четкого деления сделать невозможно, т.к. эти волны шли практически беспрерывно. Процесс эвакуации затянулся до 1925–1926 гг., и переселенцы всех трех волн имели возможность вернуться на родину. В целом, первая волна охватила период с 1914 (начало Первой мировой войны) до 1925/26 г. (начало плановых переселений на территорию Уральской области). Вторая волна – с 1918 по 1925/26 гг. Третья – с 1921 по 1925/26 гг.

Таким образом, мы видим, что вторая половина 1910-х – середина 1920-х гг. являются крайне интересными в плане изучения миграционных потоков вынужденных переселенцев. Данная проблема сложна и интересна одновременно. Многие еще не изучено и требует дальнейшего кропотливого исследования, поиска в архивах.

И.В. Побережников (ИИиА УрО РАН)

СЛУХИ О НАСИЛЬСТВЕННОЙ ХРИСТИАНИЗАЦИИ СРЕДИ УРАЛЬСКИХ МУСУЛЬМАН (1788–1789 гг.)

Слухи – неотъемлемый элемент в структуре неформальной коммуникации любого общества, дополняющий формальные (официальные) коммуникации неформальной сетью «доверительных сообщений». Слухи выполняют функции адаптации, осмысления обществом инноваций, установления контроля над угрожающими изменениями реальности, ориентации и стандартизации коллективного поведения. Огромная значимость слухов в условиях традиционного общества, когда они являлись едва ли не ведущим видом коммуникации, делает актуальным изучение их содер-

жания, функций, механизмов генезиса и трансляции в исторической ретроспективе. Значимой была роль слухов в социальных конфликтах. Оптимистические (известия о повышении социально-сословного статуса, разнообразных благодеяниях для простого люда) и пессимистические (толки об ухудшении социального положения, конфессиональных преследованиях) слухи нередко мобилизовали социальные группы на выступления, в том числе и этноконфессиональные¹.

Со второй половины XVIII в. российское правительство повело линию на сотрудничество с мусульманским духовенством, надеясь, что последнее будет способствовать поддержанию порядка в стране. В 1788 г. в Уфе было учреждено «Духовное собрание магометанского закона». Целью создания данного института было установление контроля за деятельностью мусульманского духовенства со стороны верховной власти². Таким образом, правительство перешло к политике веротерпимости по отношению к исламу. Однако, несмотря на то, что центральная власть в отношении коренных народов придерживалась линии на постепенную, по возможности мирную, их интеграцию в общественный организм, на длительное сохранение бытующих у них обычаев, религиозных представлений, традиционных форм управления и хозяйствования (конечно, при этом имели место злоупотребления властью представителями коронной администрации, попытки ускорить ассимиляционные процессы среди аборигенов со стороны наиболее рьяных служителей православной церкви), страх насильственного обращения в христианство сохранялся в среде нерусского, преимущественно мусульманского, населения на протяжении XVIII–XIX вв. и порой обнаруживал себя в соответствующих слухах. Подобные слухи, в частности, распространялись в 1835 г. среди нерусского населения Оренбургской и Пермской губерний (башкиры, тептяри, мешеряки), в 1854 г. – среди татар-мусульман Самарской губернии, в 1878–1879 гг. – в башкирских, татарских, мешерякских селениях Казанской, Самарской, Оренбургской, частично Вятской и Уфимской губерний, в 1883 г. – среди мусульман смежных уездов Самарской и Уфимской губерний, в 1894 г. – среди татар и башкир Уфимской, Казанской, Симбирской и Самарской губерний, в 1896 г. – среди мусульман Казанской, Уфимской, Самарской и Вятской губерний³.

Мы хотели бы остановиться на более раннем эпизоде распространения слухов о насильственном крещении среди башкир и мешеряков Урала, относящемся к 1788–1789 г. Необходимо иметь в виду, что слухи получили хождение в период войны, которую Российская империя вела с мусульманским государством – Турцией. Подобный же внешнеполитический контекст сопровождал распространение слухов в 1854 и 1878 гг.

Зимой 1788–1789 г. башкиры и мешеряки Челябинского и Троицкого округов Уфимского наместничества были приведены в «беспокойство и некоторое неудовольствие» вследствие пронесшихся среди них слухов о насильственном крещении. Поводом к их формированию послужила посылка Тобольской духовной консисторией проповедников в иноверческие селения. Поскольку такое мероприятие было предпринято консисторией впервые, среди башкир и мешеряков пошли слухи, «что их хотят крестить».

Администрации наместничества стало известно о большом собрании жителей указанных округов в одной из деревень, на которое был приглашен ахун (мусульманское духовное лицо, знаток шарията). Собравшиеся держали совет, на котором приняли решение, «чтоб им от принуждения их к принятию закон христианский всеми мерами защищаться не щадя жизни».

Жители некоторых селений утверждали, что челябинский заказчик протопоп Петр Топорков, направленный к ним в качестве проповедника, якобы уверял их, что его целью и является принудительное крещение башкир. В действительности, как вскоре выяснил глава края – симбирский и уфимский генерал-губернатор О.А. Игельстром, протопоп Топорков оказался человеком «разумным, порядочным и смиренным» и совершенно неспособным к такому вредному разглашению. Более того, оказалось, что Топорков, действительно направленный проповедником в Троицкий и Челябинский округа, еще не успел побывать ни в одном селении.

Слухи о принудительном крещении получили некоторое распространение и в соседних с Уфимским наместничеством башкирских селениях Екатеринбургского и Далматовского округов Пермского наместничества. По данным, которые, впрочем, Бекчурину не удалось подтвердить, башкиры даже говорили, что «воинская команда в двух ротах отправлена из Челябины в Кичинские деревни, единственно для окрещения всех их неволею».

В январе 1789 г. Игельстром, дабы «погасить в самом начале оказавшиеся между ими (башкирами указанных округов. – *И.П.*) неудовольствия искры», отправил в волновавшиеся селения расправного судью Оренбургской верхней расправы надворного советника Бекчурина, человека «исповедывающего магометанский закон и употребляемого уже в подобных случаях». Бекчурин должен был уверить волновавшихся башкир в ложности рассеянных среди них слухов. Он должен был объяснить жителям мусульманских селений, что «от всех христианских держав к иноверцам высылаются всегда проповедники к приглашению оных в веру спасительную добровольным образом и что засеившийся между ими слух, якобы от правительства дано повеление окрестить их, совершенно ложен и зло-

бою вымышлен». При этом в данном на имя Бекчурина ордере уфимский генерал-губернатор особо настаивал на использовании в пропагандистских целях положения о конфессиональной терпимости императрицы. Бекчурин должен был объяснить единоверцам, что «всему свету довольно уже известно, что Ея ИВ, наша всемиловитейшая государыня, в империи своей терпит все веры и никого из подданных своих не принуждает к перемене закона своего, и оставляет всякого в том, в котором находится». Известие об особом покровительстве Екатерины II мусульманам также, по мнению О.А. Игельстрома, должно было убедить башкир в ложности слухов о планах правительства крестить иноверцев исламского исповедания: «закон же магометанской из особливой милости паче прочих, кроме христианского, в империи Ея исповедуемых, покровительствует. Истинность сего тем ощутительнее, что по высочайшему Ея повелению воздвигнуты во многих местах на казенном иждивении мечети, напечатаны алкораны, которых в самой турецкой области с трудностию сыскать можно, дабы всякой магометанин из подданных Ея мог познать правила закона своего. И что благоволила всемиловитейше определить муфтия для наблюдения, чтоб все правила и обряды закона магометанского должным порядком выполняемы были. А все сие достаточно уже доказывает им. Что всегда могут быть спокойными в том, что никогда ни малейшего принуждения им сделано не будет к перемене того закона, в котором родились и состоят».

Кроме того, в Троицкий и Челябинский округа был направлен имам оренбургской мечети, по отзыву генерал-губернатора, «человек разумный, усердный и великую доверенность здешних магометан имеющий», который должен был убедить мусульманское население в отсутствии у российского начальства помыслов о насильственном переводе его в христианство.

О.А. Игельстром посчитал преждевременной проповедническую деятельность православного священника в беспокойных селениях. Уфимский наместник обратился к тобольскому епископу Варлааму с просьбой отложить проповедь христианской веры в Троицком и Челябинском округах по крайней мере до окончания войны с Оттоманскою Портою, «ибо оное быв в тамошних местах еще в первый раз в рассуждении настоящих обстоятельств, легковерия и всегдашней наклонности здешних народов к мятежу легко может иметь неприятные следствия»⁴.

Уфимский генерал-губернатор был убежден, что ему удалось завоевать особое доверие со стороны башкир. По этому поводу он писал, что «башкирский народ имеет ко мне полную доверенность и до сего времени о всех делах, сумнительно оному кажущихся, старшины его делали мне откровения и испрашивали себе моих разрешений». Поскольку в пос-

леднем случае О.А. Игельстром не получил никаких сведений от башкирских представителей, он никак не мог поверить в спонтанность распространившегося среди уральских мусульман вредного слуха и предполагал, что его рассеивают злонамеренные люди, «дабы сим способом привести в возмущение народ башкирский». Особое подозрение генерал-губернатора вызывал мулла Абдрахим деревни Ахуновой Троицкого округа, который ранее, в 1785 г. делал «вредные разглашения» и «развращал» народ (возможно, выступил руководителем какого-то неортодоксального исламского течения), а в мае 1788 г. бежал к казахам, в Среднюю Орду. Оренбургская администрация пыталась вернуть Абдрахима, но, по отзывам казахов, мулла, не останавливаясь в их кочевьях, ушел в Малую Бухарию, в г. Кабыл. Бекчурин должен был тщательным образом выяснить, не получали ли башкиры каких-либо писем от Абдрахима и не велась ли между ними пропаганда подосланными агентами. Проведенное Бекчуриным в этом направлении следствие закончилось ничем⁵.

Бекчурину удалось выяснить, что поводом для распространения слухов стал указ Челябинского нижнего земского суда старшинам (ноябрь 1788 г.), последовавший по сообщению Тобольской духовной консистории в Уфимское наместническое требование, о вспомоществовании и нечинении на местах обид и препятствий челябинскому заказчику Топоркову, отправленному для проповедования слова божия. Указ не содержал требований принудительной христианизации, но, как отмечал Бекчурин, башкиры и мешеряки пришли к выводу о намерении российского правительства обратить их в христианство вследствие крайнего легковерия («по врожденной их национальности», по выражению Бекчурина) и новизны для мусульман самого мероприятия, предпринятого властями. Во время ярмарки, проходившей в декабре 1788 г. в Челябинске, прибывшие туда башкиры встретили ахуна из дер. Муслюмовой Троицкого округа Абдуллу, который посоветовал им, в связи с получением указа из Челябинского нижнего земского суда, подать по данному поводу прошение с целью разъяснения содержания этого указа. Беспокойство («крайнее уныние и страх») башкир и мешеряков было усилено поведением священника Кирилла Попова, служившего при Далматовском монастыре, который во время проезда через иноверческие селения в Троицкий округ назывался протопопом и объявлял, что будет крестить желающих.

Очагом распространения слухов являлись и Шадринский, и Долматовский округа, в которых в ноябре 1788 г. успел побывать проповедник – шадринский протопоп («некто российского духовенства знаменитый человек, именуемый Сидор Кучинкин», как назвали его башкиры Челябинского округа в своем обращении к генерал-губернатору), методы работы

которого, видимо, не всегда отличались дипломатичностью. Так, например, старшине Терсятской волости Бакширгину протопоп предлагал оставить свой «неистовый» закон, перейти в христианскую веру – «почему и получит он себе во всех учиненных им грехах прощение и быть может безгрешным, яко младенцем».

Некоторые («лучшие») башкиры наедине сообщали Бекчурину, что «народ их держал себя на таком положении в сохранении своего закона, что, если оное дело в самом существе учинилось, то и тогда оной без всякого противоборствования не лишаться своего закона и под жестоким истязанием». Также старшины, сотники и некоторые лучшие люди Троицкого округа рассказали Бекчурину, что, будучи в сомнении после получения указа о проповедования слова божия, они ездили на соседний Косотурский завод, приказчик которого тульский купец Ахматов убеждал их в невозможности принудительного крещения и ссылался на факты строительства на казенном коште мечетей и рассылки печатных коранов, которые, по его мнению, свидетельствовали о стремлении правительства сохранить ислам.

Первоначальную информацию о намерении башкир и мещеряков защищаться не щадя жизни по случаю распространения среди них пессимистических слухов Бекчурин не смог подтвердить.

Мероприятия, намеченные уфимским генерал-губернатором, дали положительный результат – в первой половине февраля мусульманское население Челябинского и Троицкого округов успокоилось. Собранные Бекчуриным башкиры стали говорить, что, поскольку «по верноподданнической своей должности употребляются они на своем иногда коште в нужные отечеству службы, так, конечно, и останутся спокойными в своем законе». Миссия Бекчурина была настолько убедительной, что жители башкирских деревень прислали к генерал-губернатору выборных с благодарственными отзывами. Однако, примечательно, что уральские мусульмане все же просили Игельстрома не посылать в их селения челябинского протопопа.

Уфимский генерал-губернатор, воспользовавшись ситуацией, попытался укрепить оборону края. Дело в том, что сфера его ответственности по обеспечению «тишины и порядка» простиралась за административные границы его ведомства. Подчиненные ему войска дислоцировались в Пермском наместничестве и, в том числе, в Екатеринбургской области (два полевых батальона Оренбургского корпуса), в городах Челябинске и Верхнеуральске (казаки из бывшей Исетской провинции), в Казанском, Симбирском и Вятском наместничествах – Ревельский пехотный полк (располагался в Казани и ее окрестностях) и башкирский полк. Но в январе 1789 г.

башкирский полк был направлен в С.-Петербург. В связи с этим, намекая на возможность повторения волнения среди башкир, О.А. Игельстром просил разрешения на формирование еще одного полка из мешеряков.

К вполне серьезным последствиям происшествия следует отнести распоряжение Сената о приостановке, «по случаю нынешних обстоятельств», проповеднической деятельности в иноверческих селениях⁵.

Примечания

1. См.: Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург, 1995.
2. См.: Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 50–53.
3. См.: Побережников И.В. Слухи в социальной истории...; Он же. К истории русско-башкирского конфликта XVIII в. (роль слухов в башкирских восстаниях) // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале XVII–XX вв. Уфа, 1992. С. 81–93; Он же. Роль слухов в социальных конфликтах (волнения мусульманских народов Поволжья и Приуралья в 1878–1879 гг.) // Четвертые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 18–19 апреля 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 183–188; Куприянов А.И. Великороссия и Сибирь – материк этнического спокойствия в море имперской конфликтности (1881–1904 гг.) // Новый мир истории России. М., 2001. С. 124–127.
4. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2753. Л. 1–4 об., 18 об.
5. Там же. Л. 5–5 об., 13 об.–14.
6. Там же. Л. 6–8 об., 9–10, 12–13, 17–30 об.

В.Д. Пузанов (СурГУ)

В.Н. ТАТИЩЕВ И БАШКИРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1735–1736 гг.

В предыдущей статье (В.Н. Татищев и зауральский поход 1736 г. // Третьи Татищевские чтения... Екатеринбург, 2000. С. 70–72.) я уже писал о борьбе В.Н. Татищева с башкирским восстанием, до назначения его главой Оренбургской экспедиции. Материалы, найденные в фонде Сената РГАДА, позволяют раскрыть ряд неизвестных страниц биографии этого выдающегося государственного деятеля и ученого, связанных с его деятельностью на Урале в ходе башкирского восстания 1735–1737 гг., а также дают возможность увидеть жизнь уральского населения в это тревожное время.

26 июня 1735 г. В.Н. Татищев в доношении Сенату, сообщая о неспокойной обстановке на пограничье, частых набегах Казачьей орды на баш-